

УДК 94

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ТРАКТОВКЕ СЕБЕОСА SEBEOS'S INTERPRETATION OF THE BYZANTINE EMPIRE

П.А. Акопян
P.A. Akopian

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23*

Nizhny Novgorod University, 23 Gagarina St., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

e-mail: pavel-aa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается написанная во второй половине VII века «История императора Ираклия» армянского автора Себеоса и отражение в ней образа Византии. Делается вывод о том, что определяющим критерием в трактовке политики византийских императоров и Византии в целом является религиозный фактор. Также в определенной мере показано общее и особенное в отношении раннесредневековых исторических сочинений Армении и Византийской империи на примере сочинения Себеоса.

Resume. The paper examines «The History of the Emperor of Heraclius» by Sebeos that was written during the second half of the 7th century. The author comes to the conclusion that the religious factor was the critical criterion for Sebeos in the interpretation of the Byzantine policy towards Armenia.

Ключевые слова: Себеос, Ираклий, Армения, Византийская империя, Халкидонский собор.
Key words: Sebeos, Heraclius, Armenia, Byzantine Empire, Council of Chalcedon.

«История императора Иракла» армянского автора VII века Себеоса¹ охватывает, как об этом пишет сам создатель, три эпохи: героическое (мифическое), историческое, современное историку бедственное время. На первый взгляд, представляется, что подобный подход к написанию истории собственного народа напоминает модель, предложенную «отцом армянской истории» Мовсесом Хоренаци (V век), изложившим в своем произведении историю армян с древнейших времен до падения Армянского царства Аршакидов. Однако конструирование исторического нарратива у Себеоса сильно отличается от Хоренаци, прежде всего тем, что развитие армянской исторической мысли VII века было тесно связано с ключевыми событиями не только собственной истории, но и истории соседних держав. Концептуальный анализ повествования Себеоса показывает, что отбор материала, организация повествования, охват событий автором – все это подкреплено определенной логикой: чтобы история, которую автор собрал воедино, сохранила смысл, нельзя концентрироваться только на Армении. Структура мира вокруг Армении за описанное армянским писателем время изменилась до неузнаваемости. Именно поэтому, одной из примечательных черт «Истории» является ее географический охват. Кроме того, армянский автор в качестве ядра своей исторической концепции выбирает теорию четырех империй², среди которых, помимо «восточного государства Сасанидов», «северного царства Гога и Магога» и «царства исмаильтян», выделяет «западное государство греков (ромеев)» (Себеос. III. 32). Византийцам и империи в целом Себеос уделяет пристальное внимание, особенно когда повествование касается современных автору событий. Историк довольно четко формулирует не только позицию Ирана в отношении армян, но и ой-

¹ ՄՄ 2639 – Սերխուի. Պատմութեան վեց հասած ամենահին ձեռագիրն է, 1672 թ.; The Armenian History attributed to Sebeos / Translated with notes by R.W. Thomson. Historical commentary by J. Howard-Johnston and T. Greenwood. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1999; История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасянц. Ереван: Изд-во Арм. филиала АН СССР, 1939; История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с арм. К. Патканьяна (К. Патканова). СПб., 1862.

² О самой теории и ее интерпретации в историографических традициях Запада и Востока см., например, Swain J.W. The Theory of Four Monarchies Opposition History under the Roman Empire // Classical Philology. 1940. Vol. 35. No. 1. P. 1-21; Flusser D. The Four Empires in the Fourth sibyl and The Book of Daniel // Israel Oriental Studies. 1972. Vol. 2. P. 148-175; Winston D. The Iranian Component in The Bible, Apocrypha and Qumran // History of Religions. 1966. Vol. 5. P. 189-192; Mendels D. The Five Empires: A note on a Propagandistic Topos // The American Journal of Philology. Vol. 102. No. 3. P. 330-337; Greenwood T. Sasanian Echoes and Apocalyptic Expectations: A Re-Evaluation of the Armenian History attributed to Sebeos // Le Muséon. 2002. Vol. 115. No. 1-2. P. 323-397 и др.

куменические претензии ромеев³ (III. 6). Армянский автор убедительно показывает, что на протяжении нескольких столетий в поле зрения Армении находились как минимум два государства с великодержавными устремлениями – Иран и Византия.

Себеос приводит синхронные таблицы персидских и армянских царей, персидских и византийских правителей, однако эта информация не наполняется у автора событийностью. Провести реконструкцию ключевых исторических событий раннехристианской армянской истории в ее связи с византийской или персидской до конца VI века по данным «Истории императора Иракла» довольно сложно. Акцент на современных автору событиях даже стал для исследователей Себеоса одним из поводов, чтобы усомниться в авторстве начальной части «Истории»⁴. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть отношение Себеоса к Византийской империи.

Армянский автор хорошо осведомлен о военной и политической истории Византии и конфессиональных спорах в империи. Однако найти в текстовом пространстве «Истории» сведения об экономической и социальной истории, о византийской культуре, читателю не удастся. По мнению В.А. Арутюновой–Фиданян, образ Византии у армянского историка складывается из его представлений о византийских императорах и о «греческом» войске в Армении⁵. С этим утверждением трудно поспорить, если речь заходит об императорах-современниках Себеоса либо о тех, кто правил империей в период, хронологически близкий ко времени жизни армянского автора (например, это Маврикий, Фока и др.). Начальная история Восточноримской империи и ее взаимоотношений с армянским миром Себеосом не освещается, по всей вероятности, по причине того, что эта история была рассказана и освещена в предшествующей историографии авторами V века – Павстосом Бузандом, Мовсесом Хоренаци. Нет упоминаний в сочинении и о политике Юстиниана I (527–565), стремившегося включить Армению в византийский политический и культурный круг.

Определяющим и, пожалуй, главным персонажем в описанной Себеосом картине взаимоотношений Византия ↔ Армения первой половины VII в. н. э. выступает император Ираклий⁶. Следует сразу оговорить, что у Себеоса позиция к личности Ираклия складывается из нескольких категорий отношений: с одной стороны, Ираклий → Византия (византийцы), с другой – Ираклий → Армения (армяне). Автор, несомненно, не может не отметить череду тех достижений императора, повлекших за собой «успокоение государства» (III. 24). Ираклий также выступает освободителем одной из самых великих святынь христианского мира – Священного Креста Господня (III. 28). В отношении византийцев и Византийской империи Себеос рисует идеализированный образ императора, наделяя его обязательным набором стандартных характеристик⁷ – «боголюбивый, благочестивый, благодатный, храбрый, победоносный, блаженный спаситель Иракл., который спас всю землю от пожара» (III. 33). Строкой ниже Себеос говорит, что «это же самое дарует нам Христос, Бог наш, чрез благочестие...». По сведениям автора, сразу после вшествия на престол Ираклий отправил к персидскому царю Хосрову посольство с целью начать процесс переговоров и заключить мир и вступил в войну только тогда, когда получил оскорбительный ответ на свои мирные предложения. Себеос изображает Ираклия не только миролюбивым, но и милосердным, когда правитель Византии отпускает пленных, возвращает военную добычу и милует даже тех своих врагов, которые «не заслуживают милости».

Субъективно, но основная концептуальная идея всего сочинения все же не позволяет утверждать, что Себеос, создавая в некоторой степени идеализированный образ монарха, последовательно сближает Ираклия с армянским миром. Безусловно, Ираклий выступает идеалом монарха-христианина, но в отношении византийцев. Историк не может не оценить тот вклад, который император внес в развитие империи и ее областей. Однако будучи монофизитом, критиком состоявшегося Халкидонского собора, автор не забывает о религиозных распрях между армянами и византийцами. «Двойные стандарты» Себеоса в изображении императора в той или иной степени, по всей видимости, демонстрируют стремление к объективности, которой автор старался придерживаться, хотя не всегда удавалось.

³ Ромеи и греки у Себеоса идентичны (Арутюнова-Фиданян В.А. Византийские идеологемы в армянской историографии X–XI вв. // Сравнительное изучение цивилизаций (междисциплинарный подход). Сборник статей. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 223)

⁴ См., например, Абгарян Г.В. История Себеоса и проблема Анонима. Ереван, 1963; Манандян Я.А. Начальная история Армении Маар-Абаса // Палестинский сборник. 1956. №2. С. 64–65; The Armenian History attributed to Sebeos / Translated, with Notes, by R. W. Thomson, historical Commentary by J. Howard-Johnston, Assistance from T. Greenwood (Translated Texts for Historians). 2 Volumes. Liverpool: Liverpool University Press, 1999; Thomson R.W. Biblical Themes in the Armenian Historian Sebeos // After Bardaisan: Studies on Continuity and Change in Syriac Christianity in Honour of Professor Han J.W. Drijvers / Ed. by G.J. Reinink and A.C. Klugkist. Leuven, 1999. P. 295–302.

⁵ Арутюнова-Фиданян В.А. «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М.: Индрик, 2004. С. 80–81. О «греческом войске» в Армении см., например: Арутюнова-Фиданян В.А. Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // Византийский временник. Т. 61(86). М., 2002. С. 66–70.

⁶ Арутюнова-Фиданян В.А. Себеос об Ираклии // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб.: Алетейя, 2003. С. 150–159; Ващева И.Ю. Константин Великий: вариации образа в христианских историях Поздней Античности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №4(3). 2013. С. 54–55. Вместе с тем, определять эту фигуру в качестве главной всей «Истории».

⁷ Цит. по: Ващева И.Ю. Константин Великий: вариации образа в христианских историях Поздней Античности... С. 54.

Реконструируя армяно-византийские отношения, Себеос отчетливо показывает их противоречивый характер, особенно когда дело касается религиозного вопроса. В 29-й главе Третьего Отдела «Истории» видно, что исповедание веры было изложено Ираклием в удобной для армян форме: анафематизмы на Нестория, Халкидонский собор императором не осуждался. Непринятие положений Вселенского собора 451 года позволяют Себеосу, при всех отмеченных им же достижениях Ираклия, выступать с критикой императора. Использованный в 33-й главе в тексте сочинения синхронизм Христос–Ираклий также не является случайным. Подобный литературный прием был довольно распространен в ранневизантийской историко-церковной традиции и часто применялся к различным императорам, подчеркивая тем самым весомую, если не главную, роль империи в истории спасения человечества⁸. Объяснить использование этого приема Себеосом несколько сложно, поскольку его применение несколько противоречит авторской позиции в отношении императора. Можно лишь предположить, что армянскому автору были известны шаги Ираклия, предпринятые для сохранения единства империи, серьезно подорванного богословским спором с монофизитами. Речь идет, прежде всего, об издании Ираклием «Эктесиса», в котором утверждалось, что Христос обладал только одной волей (одной богочеловеческой энергией). Вполне предсказуемо, что основное положение этого документа должно было удовлетворить восточных монофизитов, к числу которых относились и ортодоксальные армяне (в том числе и сам историк, сторонник веры святого Григория Просветителя). Возможно, именно в этом обстоятельстве и кроется противоречивая оценка религиозной политики императора.

Отношение Себеоса к византийцам можно также проследить и на основании письма, прикрепленного к тексту «Истории» и составленного, как пишет автор, несколькими армянскими епископами (III. 33). Это письмо, написанное на соборе в Двине в 649 году, адресовано византийскому императору Константу II. В нем открыто излагается и защищается монофизитская позиция армянской Церкви. Большинство современных исследователей Себеоса, в том числе видный британский исследователь Дж. Ховард–Джонсон, отмечают высокую подлинность письма⁹. Его документальный характер обоснован, по их мнению, как формой, в частности, почтительными выражениями в начале и в конце, так и содержанием (касающимся скорее христологических вопросов, нежели ритуальных различий, споры о которых будут вестись позже¹⁰). Отнести данный эпистолярный материал к официальной корреспонденции не представляется возможным. Содержательная часть документа напоминает идеологию догматического письма и имеет преимущественно полемический характер. Не исключено, что вариант письма, встреченный в тексте сочинения, является отредактированным и прошедшим авторскую стилизацию. Документ представляет собой ответную реакцию представителей ортодоксальной части армянского духовенства¹¹ на требование со стороны Византии принять положения проведенного в 451 году Халкидонского собора. По своей структуре письмо состоит из трех основных положений, доказывающих истинность армянской веры святого Григория: 1) армянское вероучение было признано со стороны персидского правителя, и Хосров Парвиз вскоре после завоевания Иерусалима в 614 году постановил, чтобы все христиане, подконтрольные ему, приняли веру армян как единственно правильную; 2) возникновение веры и учения святого Григория предшествовало состоявшемуся в 325 году первому в истории христианской Церкви Вселенскому собору; отмечается, что Никейский собор лишь подтвердил армянскую веру; 3) учение Армянской Церкви в большей своей части основывается на работах ранних отцов¹². Уже из этих положений видно, что Себеос пытается возвысить Армянскую Церковь над Византийской. Для автора фигура святого Григория являлась «источником правильной (истинной) веры», и этот факт в сознании историка был настолько значимым, что Себеос не предпринимает никаких попыток, чтобы приписать апостольское происхождение Армянской Церкви. Автор гордо заявляет, что царь Трдат и армянская знать приняли христианство «за тридцать лет до Константина» (III. 33). Таким образом, в тексте сочинения вероучение святого Григория армянским историком подтверждается дважды: во-первых, на Никейском соборе, на котором присутствовал сын Григория Ари-

⁸ Идея нераздельной связи христианства и Римской империи оставалась господствующей в исторических (историко-церковных) сочинениях византийских писателей. См. об этом, например, Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетея, 1988; Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб.: Алетея, 1997; Тюленев В.М. Возникновение и развитие латинской христианской историографии в IV – начале V века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. СПб., 2004; Ващева И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней Античности: Автореферат дисс... д.и.н.: 07.00.03. Белгород, 2013.

⁹ См., например, Thomson R.W. The Defence of Armenian Orthodoxy in Sebeos // AETOS: Studies in Honour of Cyril Mango (eds. I. Ševčenko and I. Hutter). Stuttgart, 1998. P. 329-349; The Armenian History Attributed to Sebeos / Translated, with Notes, by R. W. Thomson, historical Commentary by J. Howard-Johnston, Assistance from T. Greenwood... P. lii–lviii и др.

¹⁰ Цит. по: Thomson R.W. The Defence of Armenian Orthodoxy in Sebeos... P. 332.

¹¹ Себеос, в отличие, скажем, от других армянских историков, например, Египше, Парпеци или Павстоса Бузанда, не так сильно акцентирует внимание на расколе внутри армянского духовенства. Однако в «Истории императора Иракла» все же есть сведения и о той части армянского епископата, признавшей учения 451 года (см., например, III. 29).

¹² Себеос пишет, что армяне апеллируют к святому Григорию, который проповедовал: «тем, которые поверили в плоть, он показал божественность свою и те, которые не поверили плоти Его, отвергли его природу»; Себеос говорит о том, что «святой и пречестный католикос наш Григорий, воспитанный и учившийся в Кесарии Каппадокийской, учил нас... основанные на нем, мы непоколебимо пребываем до сего дня, и кроме его мы почитаем учителями истинных и святых отцов, которые все учили по-никейски...» (III. 33).

стакес, во-вторых, в процессе визита Трдата и Григория к императору Константину с целью установить союзные отношения (III. 33). Эти сведения Себеоса несколько противоречат данным другого армянского историка V века Агатангехоса. По словам последнего, после крещения всей царской семьи и армянской знати, царь Трдат вместе со святым Григорием направились ко двору византийского императора Константина с целью установить союз и поведать о случившихся с ним и его страной новых изменениях (Агатангехос. СХХVII. 873–883; СХХVIII. 884–888). Никейский же собор, на котором присутствовал сын Григория, был по времени позже визита Трдата и католикоса в Константинополь (Агатангехос. СХХVIII. 884–900). Таким образом, если предположить, что Себеос умышленно допускает эту хронологическую ошибку, то из этого вытекает, что Никейский собор в сознании армянского автора становится тем местом, где была утверждена правильная христианская вера, и представительство Армении на этом соборе в глазах историка приобщает страну и армянский народ к истинному вероучению. Это, в свою очередь, позволяет Себеосу открыто критиковать положения Халкидонского собора, а вместе с этим и политику византийских императоров (например, Маврикия, Фоки, Константа II) по насаждению этого учения среди армян.

Итак, историю армянского народа Себеос рассматривает не изолированно, а в тесной связи с крупнейшими государствами средиземноморской ойкумены и Передней Азии, помещая ее в современный автору политический контекст, с целью ухватить значительные внешние силы, в той или иной степени, повлиявшие на судьбы армян. Одной из таких сил оказалась Византийская империя. Несмотря на свой обширный хронологический охват, все же представляется, что рассматривать «Историю императора Иракла» в качестве источника по ранневизантийской истории преждевременно. Во-первых, собственно христианская армянская история IV–VI веков в ее связи с Византией лишена событийного ряда, во-вторых, информация, касающаяся империи, отражает лишь только «сухой» перечень византийских правителей, служивший наряду с хронологическими таблицами правлений персидских царей своеобразным ориентиром в конструировании временной ориентации «Истории». Если в отношении ранней истории армян Себеос может позволить себе «умолчать», так как она нашла отражение в предшествующей историографической традиции в лице Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци, Егише, Лазаря Парпеци, то поступить подобным образом в отношении политических событий современной действительности автор не решается. Текст исторического сочинения позволяет довольно четко выстроить систему критериев, на основе которых и формируется авторское отношение к Сасанидскому Ирану, арабам, а также византийцам. Определяющим критерием в оценке Византийской империи у Себеоса становится религиозный: прослеживается стремление автора исключить влияние византийской Церкви из истории армянского христианства, показать независимость последней от греческой.